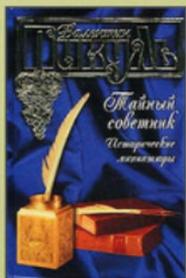


Валентин Пикуль

Генерал от истории



Часть сборника
*Тайный советник. Исторические
миниатюры*



Валентин Саввич Пикуль

Генерал от истории

Серия «Тайный советник», книга 23

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124890

*Пикуль В. Тайный советник. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2001*

Аннотация

«...Был у нас генерал от инфантерии, от кавалерии, от артиллерии, а вот Сергея Николаевича Шубинского хотелось бы назвать генералом от истории. Об этом человеке я вспоминаю каждый раз, когда речь заходит о необходимости общенародного журнала для пропаганды исторических знаний...»

Валентин Пикуль

Генерал от истории

Был у нас генерал от инфантерии, от кавалерии, от артиллерии, а вот Сергея Николаевича Шубинского хотелось бы назвать генералом от истории. Об этом человеке я вспоминаю каждый раз, когда речь заходит о необходимости общенародного журнала для пропаганды исторических знаний.

Шубинские со времен Годунова сами делали историю службою в войсках, но вряд ли задумывались об истории. Незаметные дворяне, они довольствовались чинами прапорщиков или поручиков. Сереже Шубинскому было три года, когда умер отец, и его приютила замужняя сестра Анечка. Потом мальчика отдали в московский Дворянский институт; здесь его полюбил Петр Миронович Перевлеский, сын дьячка, выбившийся в педагоги.

Сергей Николаевич даже в старости не забыл о нем:

– Он преподнес мне грамматику, как пышный букет цветов, на его уроках даже синтаксис заиграл музыкой, а запятые плясали с точками под литавренный грохот восклицательных знаков. От Петра Мироновича я впервые постиг любовь к живой русской речи, имена Ломоносова, Фонвизина, даже осмеянного в потомстве Тредиаковского стали для меня святы...

Юный Шубинский служил в Москве мелким чиновником,

когда грянула Крымская война. Порыв всенародного патриотизма вынес его из опостылевшей канцелярии, и в Гренадерском полку появился новый подпрапорщик. Крымская кампания завершила зловещую диктатуру Николая I, разгул бюрократии и казнокрадства. Было решено обновить проворовавшееся интендантство, призвав молодых грамотных офицеров, которые не потащат сапожную кожу со складов, не стянут из солдатского котла мясной приварок. В число этих честных людей попал и Шубинский, вскоре получивший чин штабс-капитана.

Вспоминая о том времени, он морщился, сознавая, что не доверяет бухгалтериям, не любит интендантов:

– Эта публика любого черного кобеля отмоев добела. Уж я-то насмотрелся всякой цифровой эквилибристики...

Жизнь в столице была дорогая. Сергей Николаевич жил скудно, приучив себя беречь каждую копеечку. А соблазнов, как назло, было предостаточно, даже голова шла кругом, стоило услышать музыку шантанов на «Минерашках», но билет туда недешев... Когда он, уже маститый старец, восседал в кабинете главного редактора, молодежь выпытывала у него:

– Сергей Николаевич, а как в литературе вы оказались?

– Стыдно сказать, в литературу я проник с черного хода. Был у меня приятель, пописывавший в газеты всякую чепуху на злобу дня. Но все фельетонисты получали бесплатный пропуск в театры и места увеселений. Соблазнительно! Еще как... Приятелю надо было съездить в провинцию, а он бо-

ялся, что в редакции его место займут другие. Вот и говорит он: «Пока меня не будет, ты валяй за меня фельетоны, но ставь под ними мое имя, а гонорар, черт с тобой, забирай себе!»

– И вы согласились?

– Конечно. Вернулся мой приятель, и я стал писать уже под своим именем. Тоже фельетоны. А фельетонами тогда называли все – даже очерки о политике Бисмарка считали фельетонами. Но вот беда: меня никто не печатал. А коли тиснут, так потом у кровососа-издателя гонорара недоплачешься. Страшно вспомнить, как намучился. Но понадобилось время, чтобы самому понять: беллетрист из меня не получится. Из меня мог выйти только популяризатор русской истории...

Обновление России реформами вызвало небывалый интерес к ее прошлому. Однако издавна цензура держала историю на замке, даже о Николае I писать не разрешали, историки ограничивали себя дифирамбами Петру I и панегириками Екатерине II. Надо было развеять мрак былого над могилами предков, и в историю, как это ни странно, ринулись офицеры: Карнович, Щербальский, Семевский, Хмыров... Шубинский вспоминал: «Слушая их рассказы о вычитанном, я тоже пристрастился к русской истории... преимущественно XVIII века». Тогда же начал собирать библиотеку, ежедневно навещающая «толкучие рынки».

– Если бы не эти «толкучки», – рассказывал Шубинский, –

никакого историка из меня бы не вышло. Бывало, глянешь на замызганный обрывок старинного альманаха без начала и без конца, а в середине – статья, какой цены нету, и стоит все гроши. Среди всякого хлама попадались уникальные сокровища прошлых столетий, которые ныне ни за какие деньги не купишь. Хмыров желал объять всю историю сразу, Семевский копался в девятнадцатом столетии, а меня всегда увлекал век осмнадцатый.

– Почему же именно век «осмнадцатый»?

– Помилуйте! – отвечал Шубинский. – Да в какое еще время Россия была столь перенасыщена комедийными и трагическими моментами! То хохочешь над анекдотами о Потемкине, то слезами умываешься над людскими страданиями... Стал я писать исторические очерки. Редакции брали их у меня с большой охотой, ибо наша публика, историей не избалованная, пугалась мудрости Татищева, Миллера, Шлёцера или Карамзина.

По-разному сложились судьбы друзей. Михаил Иванович Семевский в 1870 году выпустил первый том журнала «Русская Старина», а Михаил Дмитриевич Хмыров, щеголявший в красной рубахе ямщика, собрал уникальную «Хмыровскую коллекцию», которая ныне занимает почетное место в Государственной исторической библиотеке в Москве. Хмыров не щадил себя. Он спровадил семью в деревню, чтобы жена и дети не голодали заодно с ним, а сам кормился одним студнем, покупая его в дешевой лавчонке, отчего заболел и

умер... Возле гроба покойного Шубинский ходил с фуражкой, собирая на похороны историка.

– Занятие прошлым, – сказал он Ефремову, – только пожирает здоровье, но прибыли не дает. Вот лежит на столе наш бедный Миша Хмыров: на студень еще хватало, а на врачей не хватало... Подайте, Петр Александрович!

П. А. Ефремов, богатый библиограф и накопитель старинных книг, бросил в фуражку Шубинского полсотни рублей.

– На погребение, – сказал он. – Но кладу еще четыреста для вдовы Миши, а ты зайди ко мне. Поговорить надобно...

Шубинский навестил Ефремова в его доме, больше похожем на книгохранилище. Втайне позавидовал хозяину. Влюбленные в историю, стали они мечтать: хорошо бы иметь журнал для народного познания истории, но чтобы авторы не умирали с голодухи, как Хмыров, а получали бы гонорар.

– Без мецената не обойтись, – вздыхал Шубинский.

– Да, – согласился Ефремов, – найти Сил Силыча, чтобы развязал кошелек ради истории, трудноватенько. Петр Иванович Бартенев издает «Русский Архив» в Москве, но дает журнал крохотным тиражом, ибо материал печатает сырой, никак не обработанный, почти архивный. Это, брат ты мой, не для широкого читателя, а лишь на будущего историка. Надо подумать, где сыскать Креза, чтобы восхитился нашей историей!

Сергей Николаевич недавно женился на скромной девушке Катеньке Боровской; детей еще не было, но могли

появиться, а жалованья капитана не хватало. Шубинский решил начать с издания старинных мемуаров. Он перевел «Письма леди Рондо», жены английского посла, описавшей свои впечатления при дворе Анны Иоанновны; потом выпустил «Записки графа Миниха», известного фельдмаршала. Издателем стал книготорговец Яков Исаков; выпуском мемуаров Шубинский угодил лишь культурным читателям, но часть тиража осталась догнивать на складах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.